

Жили по заводскому гудку

Разве расскажешь, как волновалась, когда пришла Победа?

Очень хотелось мне, шестнадцатилетней, быть красивой в тот день всенародного торжества; достала брошку, заколки, причесалась, бантики разгладила. Подружки осмотрели — все ли как надо, нарядно? Страшно волновалась — праздник-то какой! Как сейчас помню, пела «Огонек», потом под гитару «Бежал бродяга» и даже душещипательный романс «Вернись».

К этому времени у меня уже появился концертный «опыт», накопился за войну. Еще в первые месяцы пела на сиделках в общежитии, где жили медицинские сестры и санитарки. Пела я старые — бабушкины, мамнины, и новые — военные песни.

Когда отец ушел на фронт, я поступила на станкостроительный ученицей токаря. Иждивенческой карточки нам не хватало. Мама продолжала работать санитаркой, надо было зарабатывать и мне. Когда писала заявление, прибавила себе два года, иначе бы не взяла.

Дорогой мой Московский станкостроительный имени Серго Орджоникидзе!..

Давно уже строгие городские власти отменили фабричные гудки. А в те дни по всей окраине пели они, перебивая друг друга, торжественно и чуточку тревожно.

Утро. Смена.

Толпы людей заполняли и Донской, и Люсиновку, и Шаболовку.

Вместе со всеми шла к проходной и я — ученица, а потом токарь пятого производственного разряда.

На заводе все жили одной мечтой: побыстрее разбить врага, трудились много, выполняли норму на 200—250 процентов. В центре всеобщего внимания был рекорд свердловского слесаря Брезгуна, который придумал приспособление, позволявшее выполнять за несколько минут 20 дневных норм. У нас тоже был свой пример для подражания — токарь-скоростник Коля Чикирев, ныне генеральный директор объединения.

Помню, как в канун Нового года привели ко мне мальчишек осваивать токарное дело — вытачивать втулки и шпиндели. Один и говорит: «Научишь нас, Зыка, чечетку плясать, будем тебя слушаться». Чтобы завоевать авторитет, пришлось согласиться. К тому времени я научилась танцевать и русскую, и цыганочку, и гопак, и танец с шальями. И пела, конечно, участвовала в самодеятельности. Однажды в кинотеатре «Художественный» исполнила целую программу, получила в награду буханку хлеба — самый драгоценный подарок.

В понимании бабушки, матери, отца «работать» означало только одно: что-нибудь делать руками — вытачивать втулки и шпиндели, шить рукавицы и гимнастерки, сеять и убирать хлеб... Петь да танцевать — какая же это работа?

И вот в нетопленном фойе кинотеатра «Художественный» узнала я, что и петь, и танцевать — это тоже труд. Зрители ладоней не жалели...

А вечерами спешила в школу рабочей молодежи. Учеба никому не давалась легко — оставали на работе здорово. Но все же при любых невзгодах Новый год встречали достойно. Кто принес из дома вату, бумагу, кто клей, картон, яркие, разноцветные лоскутки. Мастерили Деда Мороза, бумажные конфеты, золоченые орехи, вереницы разных зверей, смешных матрешек. Насыщенность каждого дня была в ту пору предельной. Годы спустя я прочла у Сент-Экзюперы: «Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения». Время войны оставило в моем сердце эту роскошь, ставшую составной частью неисчислимых богатств духа нашего народа, без которого не было бы Победы.

Людмила ЗЫКИНА,
народная артистка СССР,
лауреат Ленинской премии.

Соб. культура, 1985, июль.